

ЭЛЯ ОШ

КОФЕЙНЯ «ТРИКОТАЖ»

ЛЮДИ. СУДЬБЫ. КОФЕ

Эля Ош

Кофейня «Трикотаж»

«Издательские решения»

Ош Э.

Кофейня «Трикотаж» / Э. Ош — «Издательские решения»,

Среди ароматных лип и высоких мощных каштанов, в самом центре города, находится старинный особнячок из красного кирпича. На первом этаже здания расположена кофейня «Трикотаж». Истории разных людей витают в воздухе кофейни, будто ароматы кофейных напитков, подаваемых здесь. Чьи-то терпкие, но приятные, словно капучино, чьи-то резкие, горькие и короткие, словно регуляр, а чьи-то лёгкие и воздушные, как какао с зефиром.

© Ош Э.

© Издательские решения

Содержание

«Трикотаж».	6
Людмила. Свидание	7
Николай Фёдорович. Концерт	10
Влад. Чашка	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

**Кофейня «Трикотаж»
Люди. Судьбы. Кофе
Эля Ош**

© Эля Ош, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Трикотаж». **Вместо предисловия**

Среди ароматных лип и высоких мощных каштанов, в самом центре города, находится старинный особнячок из красного кирпича. Местные жители называют его «часики» из-за того, что на здании есть небольшая башенка со старыми часами, которые уже не ходят. На первом этаже здания расположена кофейня «Трикотаж».

Чуть больше ста лет назад в этом здании была чайная лавка. Она согревала уставших извозчиков с побелевшими от холода костяшками пальцев, купцов с огромными животами и дремучими бородами, сонных крестьян, дожидавшихся открытия ярмарки, и долговязых студентов в коротких сюртуках. Ранним утром и в полдень заведение гудело, будто осиное гнездо, – здесь разговаривали, читали подшивки свежих газет и пили крепко заваренный чёрный чай.

В двадцатые годы в помещении бывшей чайной обосновался ресторан «Оливье», где важные господа могли посмотреть кино и кабаре. Барышни в плоских шляпках цокали низенькими каблучками по дощатому полу и улыбались нэпманам, почти не открывая бантиком накрашенных ртов. Весёлая пора продолжалась до начала тридцатых.

Потом на первом этаже особнячка открыли столовую для студентов строительного училища, и белёные стены впитывали запах тушёной капусты и варёной гречки почти десять лет.

После войны женщины в синих халатах и белых платках торговали в этом здании тканями и канцелярскими товарами.

В середине восьмидесятых там располагалась городскаяпельменная, которая просуществовала вплоть до того момента, когда на здании городской администрации сменили красный флаг на триколор.

После распада СССР в помещении бывшей пельменной сменяли друг друга: магазин свадебной моды, парикмахерская и салон сотовой связи.

В настоящее время там находится кофейня «Трикотаж» – просторная, уютная и светлая. В ней всё дышит историей. В углу стоит патефон – дань первой городской чайной. На стенах висят картины, изображающие бледных красавиц с родинками-мушками, – память о временах рассвета НЭПа. Там же, в этнографическом уголке (так называют его работники и завсегдатаи кофейни), висит горн и красный флажок – вымпел, которые своим видом напоминают посетителям о минувших временах Советского Союза.

«Трикотаж» живёт и дышит историями тех, кто каждый день приходит сюда.

На круглом столике у окна стоит чашка недопитого латте – её оставила молоденькая учительница музыки, грустившая в одиночестве ещё несколько минут назад. А вот на белом маленьком блюдце лужица облепихового чая, пролитая студентом юридического факультета. Он почти каждый день пьёт такой напиток с девушкой своей мечты и никак не может открыть ей чувств. А на столике, что находится у самой барной стойки, лежит новенькая купюра в пятьсот рублей – её оставила официантке Лиля, владелица сети обувных магазинов. Она каждый день завтракает в кофейне и прокликает свою жизнь.

Истории разных людей витают в воздухе, будто ароматы кофейных напитков, подаваемых здесь. Чьи-то терпкие, но приятные, словно капучино; чьи-то резкие, горькие и короткие, словно регуляр, а чьи-то лёгкие и воздушные, как какао с зефиром.

Сюда приходят разные люди с разными мыслями и мечтами. Их объединяет только одно – кофейня «Трикотаж».

Людмила. Свидание

С виду Людмила Сергеевна ничем не отличалась от своих сотрудниц из отдела бухгалтерии: она носила строгие блузочки и аккуратно укладывала короткие тёмные волосы. В её отделе работали три женщины, и все они были как сестрички: средних лет, подтянутые и дружелюбные. Людмилу, пожалуй, отличала только её детская мечтательность и жажда приключений. В юности она хотела стать актрисой цирка или, на крайний случай, певицей, но по настоянию матери («не хватало тебе ещё там перед всеми голыми ногами и трусами мелькать?!») связала свою жизнь с накладными и табелями.

После техникума она устроилась бухгалтером в молодой коллектив одного государственного предприятия, где и проработала семнадцать лет. Она, конечно, оставила мечты о полётах под куполом цирка, о новых городах и поклонниках, но жажда приключений прорывалась через любые мнимые барьеры, словно сорняк через слой асфальта.

В свои тридцать пять Люда испробовала все возможные виды нестандартного отдыха: плавала с акулами, прыгала с тарзанки и парашюта, занималась любительским альпинизмом.

Её мятежная душа искала приключений не только во время отпуска, но и в будние дни. Общественному транспорту (где было душно, серо и уныло) она предпочитала пешие прогулки, причём каждый раз женщина старалась избрать ещё нехоженный маршрут. Иногда, завидев интересное местечко – кафе, ресторан или кофейню, она заходила туда и с удовольствием пробовала новые блюда и напитки, рассматривала незнакомые лица. Случалось, что она представляла себя не в родном городке, а где-нибудь на юге Тосканы или в Венеции, если этому способствовала атмосфера случайно найденного ею заведения.

Пару дней назад она брела домой и заметила красивую вывеску в виде вязаного шарфа, надпись на которой гласила: «У нас уютно, как под пледом!» Это была новая кофейня – «Трикотаж».

И вот она пришла в это заведение. Запах кофе, пастельные оттенки интерьера и уютные мягкие подушки в вязаных чехлах настроили её на романтический лад. Музыка в кофейне была подобрана со вкусом: по воздуху медленно разливались звуки шлягеров из старого кино и французский шансон.

Люда маленькими глоточками попивала капучино – его мягкая терпкость согревала её, расслабляла и уносила в какие-то грёзы. Перед её глазами, как в калейдоскопе стёклышки, мелькали образы: мощёные улочки, жёлтые фонари, прекрасные старые дома... Поток её мыслей вдруг прервал звонкий голосок официантки в коричневом фартуке.

– Извините, это вам комплимент от мужчины у окна.

Девушка поставила на стол большое белое блюдо, на дне которого лежали пара присыпанных сахарной пудрой блинчиков и два шарика мороженого с кусочками фруктов. Людмила поблагодарила официантку и медленно манерно повернула голову в направлении, указанном девушкой. Она пристально, почти с вызовом, посмотрела на мужчину за столиком у окна. Он был хорош собой. Она сразу отметила его опрятный внешний вид: чёрную шерстяную жилетку поверх белой рубашки с серебряными запонками, серые брюки с аккуратными стрелочками. Он с достоинством выдержал её взгляд и, улыбнувшись, приподнял бокал с белым вином. Она улыбнулась в ответ и кивнула ему.

Людмила намеренно медленно ела десерт и бросала взгляды в его сторону. Казалось, он не сводил с неё глаз. Она гадала, что будет дальше – он просто подойдёт к ней сам или будет ждать приглашения?

Он был похож на удава, терпеливо выжидавшего свою жертву. Люда чувствовала себя его милой прекрасной добычей – симпатичной обезьянкой или беззащитной крольчихой.

К ней снова подошла милая официантка и поставила на стол бокал белого вина. Под стеклянной ножкой была прикреплена записка: «Вы позволите выпить с вами за встречу?»

Людмила повернулась к своему ухажёру всем телом и приподняла бокал. Мужчина встал и направился к ней. Он шёл неспешно, уверенной походкой победителя. Когда он оказался совсем рядом, она почувствовала приятный аромат его парфюма и запах чистой, вымытой с мылом кожи. Она даже вдохнула этот коктейль из свежих, словно скошенная трава, запахов, прикрыв от удовольствия глаза, и тут же смутилась, потому что увидела, как он усмехнулся, глядя на неё. Она сделала серьёзное и, как ей казалось, безразличное лицо, выпрямила спину и в упор посмотрела на того, кто подошёл к ней так близко.

Он протянул ей бокал и произнёс:

– За встречу.

В шуме голосов и музыкального фона звякнули два бокала, и мужчина, и женщина сделали по глотку сухого.

– Как я могу обращаться к вам, милая барышня? – спросил он.

Его слова показались ей слишком напыщенными. Она сделала ещё несколько глотков, немного подумала и ответила:

– Француза.

Он улыбнулся, и его смеющиеся глаза тут же оказались в обрамлении весёлых лучиков, выдававших его лёгкий нрав.

– В таком случае, Француза, – он специально выделил это имя, – позвольте представиться – Жан-Поль.

Ей начинала нравиться эта игра. Она любила говорить с мужчинами на равных. Мужчины с чувством юмора, схожим с её собственным, заводили её больше, чем восемь кубиков пресса и бицепс пятьдесят сантиметров в обхвате. Тот, кто назвал себя Жан-Полем, заказал для неё ещё вина, салат из морепродуктов и корзиночку ежевики. Люде не особо хотелось этих ягод, но она взяла их, чтобы подразнить его, выбрав самую дорогую позицию в меню на страничке с фруктовыми десертами.

Вино приятно согревало, и его тепло разливалось по всему телу. После второго бокала благородного напитка Людмила отметила про себя, что начала говорить громче и больше смеяться, а поводов для смеха Жан-Поль давал ей предостаточно. Он мастерски подбирал игру слов и умело вплетал её в ход разговора, как ленту в косу. Они жадно и много говорили: о театре, кино, архитектуре, музыке, об образовании, о книгах и о людях.

От разговоров, вина, шуток и от того, как на его загорелой шее двигалось адамово яблоко, у неё потеплело в животе, и она явственно почувствовала, как там запорхали какие-то хрупкие насекомые.

Он оставил девушке в коричневом фартуке щедрые чаевые и журавлика, сделанного из салфетки.

Жан-Поль взял Французу за руку и повёл к себе. Сладкий воздух сентябрьского вечера пьянил их сильнее вина. Он всё крепче сжимал её руку в своём кармане. Она заметила, как блестели его глаза.

Она почувствовала дух квартиры, едва он открыл железную дверь. Это была смесь из запахов средства для мытья пола, луковой поджарки и его парфюма, ещё витавшего в коридоре. Людмила сняла туфли в прихожей, и Жан-Поль подал ей розовые тапочки с пушком. Она не удержалась и спросила:

– Где же обладательница тапочек?

Тот, кто назвал себя Жан-Полем, немного замялся и ответил:

– Она в командировке.

Люда прошла в зал и, остановившись у портрета молодого парня в кимоно и медалях, спросила:

– А сын?

Мужчина сообщил, что мальчик на тренировке и вернётся не раньше десяти. Люда машинально глянула на своё запястье и отметила, что у них в запасе было ещё полтора часа.

Жан-Поль пошёл на кухню, поставил чайник, включил радио. Как по заказу, из приёмника заиграла старая лиричная Don't Speak, вернувшая обоих во времена молодости. Они посмотрели друг на друга и приблизились вплотную. Она почувствовала на своей талии его горячую ладонь, и у неё немного закружилась голова. Он сладко поцеловал её в запястье, а затем в шею, за волосами. Её накрыла волна дрожи. Чайник свистел, как обезумевший физрук, в то время как двое, назвавшие себя Жан-Полем и Французой, покоряли вершины удовольствия...

Люда потянулась к нему и поцеловала его в адамово яблоко, он шумно выдохнул и упал рядом с ней.

Они ещё некоторое время смотрели в потолок и молчали. Она думала о гимнастах и пыталась представить, сравнимы ли ощущения полёта под куполом цирка с теми, что она испытала несколько минут назад.

Вскоре он встал, накинул махровый халат (всё же есть мужчины, которые их носят) и пошёл заваривать чай. Она наблюдала за его быстрыми и уверенными движениями, любовалась широкой спиной и вдруг поняла, что безумно хочет его обнять. Она подбежала к нему и обняла его сзади. Он замер с двумя чашками в руках. Несколько минут любовники кутались в нежном молчании. И вдруг эту безмолвную идиллию нарушил звук ключа, открывавшего входную дверь. Они оба содрогнулись. Жан-Поль среагировал первым – поставил на стол чашки с горячей жидкостью и спрятал женщину в полы своего халата. Два голых тела прижались друг к другу в махровом убежище. Людмила положила голову на грудь мужчины и затаила дыхание.

– Есть кто дома? – крикнул подросток и бросил спортивную сумку на пол в коридоре.

Сперва они услышали его шаги, а потом в дверном проёме увидели его рыжую голову. Заметив парочку, он глупо хихикнул, расплылся в улыбке и сказал:

– Ладно, будем считать, что я этого не видел.

Француза и Жан-Поль услышали, как мальчик снова зашаркал ногами по паркету. Вдруг он крикнул, обращаясь к Людмиле:

– Мам, я есть хочу. Скоро будем кушать? А то я с вашей любовью-морковью так и умру от голода.

Людмила Сергеевна громко рассмеялась, как и её муж, Павел Александрович.

Она принялась готовить ужин: отварила макароны, натёрла сыр, нарезала салат. Они поужинали втроём, затем её мужчины смотрели футбол, в то время как она гладила брюки и несколько рубашек.

Спать она легла поздно, а ночью ей снились полёты под куполом цирка.

Николай Фёдорович. Концерт

Фёдорович никогда не был на настоящем концерте. В молодости случалось, он ходил с женой Нюрой в клуб, куда привозили разные ансамбли, названия которых больше подходили для ботанического сада, чем для вокальных коллективов. Но это были не знаменитые артисты сцены, а Фёдоровича всегда привлекала эстрада. Он всю жизнь проработал шофёром в колхозе и слушал в дороге радио. По возможности, когда в кабине не было председателя или счетовода, он делал звук громче и подпевал.

Его душа с малых лет тянулась к музыке. Он был самоучкой – научился без чьей-либо помощи играть на баяне, который достался ему ещё в седьмом классе от учителя музыки, фронтовика. Раньше, когда ещё свадьбы справляли всем селом, по три дня, за длинными столами, его часто приглашали играть. Потом всё изменилось: свадьбы стали меньше, люди скупее и злее – всё стало другим. Фёдорович и сам потерял интерес к творчеству.

Последний раз он играл на баяне полтора года назад. Нюра накормила скотину, пришла в дом и тихонько попросила: «Коль, сыграй, а?» Она очень любила старую песню «Утомлённое солнце» – закрывала под неё глаза и покачивала головой. Той ночью Нюра умерла. Тихо, спокойно. Жена ведь никогда ни на что не жаловалась. И вот уже полтора года он жил без неё. Тосковал, грустил.

Старший сын Серёжа поначалу всё к себе звал, но старик отказывался: не мог бросить свежий холмик земли на кладбище, каждый день туда ходил – так легче было. После хлопотал с памятником. Тогда сын купил Фёдоровичу большой плоский телевизор и белого волнистого попугайчика. Телевизор работал хорошо: ярко и громко. Правда, попугай всё время пытался его перекричать и очень злился, если у него это не получалось. В своём птичьём гневе он быстро-быстро хлопал крылышками и мотал маленькой белой головой, покрытой струпами.

Так и жил после смерти жены Фёдорович: хлопотал по хозяйству (оставил только пяток курочек и пару индюшек – уж очень любила Нюра этих важных крикливых птиц) и с нетерпением ждал всяких звёздных выступлений по телевизору, благо их развелось, как сорняков в палисаднике. Знаменитые артисты, как будто специально для Фёдоровича, пели под гитару шлягеры, делали пародии и здорово катались на коньках.

Одинокое житьё-бытьё Фёдоровича будто помаленьку устроилось, как вдруг в его неспешное течение начало вторгаться настойчивое желание младшей дочки Наташи перевезти отца в город. Она подсчитала, что отчий дом с участком можно было бы продать и разменять её хрущёвку на просторную четырёхкомнатную квартиру в спальном районе, где отцу полагалась бы своя комната.

Дочь начала всё чаще звонить и всё больше нахваливала беззаботную городскую жизнь. Наташа намекала, что под присмотром Фёдоровичу было бы намного лучше.

Он вначале противился и хорохорился – слышать не хотел о переезде. Но мысль о городской жизни и том, что он мог бы помочь дочери с квартирным вопросом, понемногу проникла в его ум и сердце. Фёдорович поразмыслил, что его родное село находилось всего в получасе езды от города, а значит, он мог бы хоть каждый день навещать могилку жены.

Теперь, когда Наталья вновь начинала разговор о переезде, он не возражал, прислушивался. В последнем своём разговоре с отцом она упомянула, что скоро, на День города, приедут знаменитые артисты, и пригласила Фёдоровича погостить неделю, чтобы он смог оценить преимущества городской жизни и сходить на концерт. Старик очень обрадовался и не смог отказаться от возможности посмотреть и послушать настоящих знаменитых артистов эстрады. Он поручил хозяйство соседу, бывшему лётчику, которого в деревне все звали Пилотом, и отправился в город.

В своём стремлении посетить заветный концерт старик был похож на маленького ребёнка, который хотел встретить живого Деда Мороза. Фёдорович очень надеялся, что ему доведётся увидеть двух особо интересных певцов – того, что берёт высокие ноты и носит странные очки, и другого, с грузинской фамилией, что поёт красиво и не менее красиво жестикулирует.

Добрался Фёдорович сам, на пригородном автобусе, ведь теперь личного транспорта у него не было. Свою «ласточку» он отдал внуку, Серёжиному сыну. После смерти Нюры дед не мог ездить на своей родной «копеечке». Он заходил в гараж и любовался красной блестящей машиной с серебристыми литыми дисками. Казалось, та, будто лукавая кокетка, подмигивала ему кругленькими фарами-глазками и приглашала покататься. А Фёдорович не мог. Только садился за руль – ком к горлу проклятый так и подступал: дед вспоминал, как возил жену за грибами и за подснежниками, в город, к детям. Вспоминал, как сидела она рядом – смеялась, болтала, закрывала от испуга лицо пухленькими ручками, когда их красная «копейка» встраивалась в большой городской поток автомобилей, большая часть которых напоминала крокодилов и бегемотов.

Внук машину, конечно, забрал, да только сразу же продал – купил на эти деньги какой-то моноблок. Горько было Фёдоровичу до слёз, но возражать он не осмелился.

В городе, и правда, было неплохо. За несколько дней пребывания в гостях дед успел отметить некоторые преимущества: не нужно было всё время разжигать колонку – вода шла от центрального отопления, не надо было бежать через весь двор в летнюю кухню, чтобы поставить чайник. В остальном скука была смертная. Первые дни Фёдорович по три раза в день бегал мусор выносить – чтобы было чем заняться. Только Володю, Наташиного мужа, это скоро начало раздражать, и Николай Фёдорович умерил пыл. Всё больше сидел в комнате и смотрел телевизор. Деда разместили в детской, с мальчиками.

Внуки приходили домой после школы рано и до конца дня лениво слонялись по квартире: играли на компьютере, смотрели странные мультфильмы на японском языке. За окном осень вступила в тоскливо-дождливую пору, поэтому мальчишки часто оставались дома.

Фёдоровичу очень хотелось поговорить с внуками о чём-нибудь, но он никак не мог вспомнить, что интересовало его, когда ему самому было четырнадцать. Он всё же пытался находить общие с мальчишками темы. Дед выработал целую стратегию: когда он пересекался с внуками на кухне, то просил их помочь с микроволновкой. Поначалу работало: мальчики охотно помогали ему, но через несколько дней начали раздражаться, как и их отец. О трюке с микроволновкой пришлось забыть.

Как-то они даже сводили деда, по настоянию Наташи, в кофейню, которая находилась неподалёку от их дома. Фёдорович удивился, когда зашёл в заведение: кругом было много книг, прям как в библиотеке, а на стене висели грифельные доски, точно как в школе, – и всё это было необыкновенным для старика. Кофейня называлась «Трикотаж», и её символом были три кота. Фигурки этих животных были повсюду: и на стенах, и на салфетках, и на меню. На каждом столике стояла баночка, куда можно было бросить денег на корм для бездомных котов. Фёдорович расщедрился на пятьдесят рублей.

Внуки заказали для него шоколадный молочный коктейль, который они называли милкшейком, и, когда Фёдорович сказал, что этот милкшейк был как холодное какао, внуки рассмеялись. Странное дело, стакан этого холодного напитка, который старик выпил максимум за минуту, стоил сто пятьдесят рублей. За такую же сумму Фёдорович продавал соседке полкурицы. Он поразмыслил, что полкурицы – это суп, котлеты и тушёные ножки с крылышками, а стакан так называемого милкшейка – это просто триста миллилитров сладкого холодного молока. Это показалось пенсионеру несправедливым.

Частенько дед спрашивал внуков о концерте, узнавал, какие артисты эстрады придут. Мальчишки посмеивались над странным словом «эстрада» и объясняли Фёдоровичу, что теперь это дело кличут шоу-бизнесом. Говорили, что на концерте будет только попса, и резко отзывались о тех, кто попсу исполняет.

Николай Фёдорович томился и с нетерпением ждал заветного дня. Утром в субботу он гладко выбрился, сходил в парикмахерскую, нагладил голубую хлопковую рубашку. Утюг был забавным – он выпускал пар, прям как зять Володя, когда очередной раз видел деда с мусорным пакетом.

На концерт Фёдоровича должна была повести Наташа, но ей позвонили и срочно вызвали на работу. Дед расстроился, но виду не подал. Дочь поручила деда Колю старшему сыну Денису, и тот добросовестно повёл старика на мероприятие.

Когда дед и внук вышли из дома, они отчётливо услышали звуки баяна. В соседнем тенистом дворике играли и пели какие-то люди, расположившиеся в беседке. Фёдорович хотел подойти, послушать, но Денис остановил его – сказал, что концерт должен был вот-вот начаться и что его ждали друзья.

По пути внук рассказывал о том, как на самом деле работает шоу-бизнес: как продюсер вкладывает в раскрутку артиста большие деньги, а потом извлекает ещё большую выгоду. Денис говорил горячо, запальчиво и с каким-то пренебрежением. Сказал, что раскрутить можно хоть обезьяну. Фёдоровичу было неприятно слушать это. Не потому, что эти схемы обходили стороной человеческий талант, а потому, что внук говорил со злом и какой-то непонятной обидой.

Денис довёл деда до площади и ушёл к друзьям, в парк. Попросил не говорить матери, что оставил Фёдоровича одного. Дед покивал головой и отпустил внука. Молодость. Куда от неё денешься?

На площади было много людей. Большая часть из них была запредельно весела. Это было заметно по их мутным осоловелым глазам.

По сцене скакал молодой здоровый мужчина. Он пел плохо. Своё неумение он старался компенсировать нелепыми действиями – прыгал, словно безрогий козлёнок, раскачивал стойку микрофона, поднимал её над головой и тряс. После него вышли молодые люди со странными причёсками, в толпе говорили, что это была модная молодёжная группа. Музыка была настолько громкой, что забивала пение артистов. Фёдорович, глядя на полуодетых девушек из той группы, подумал, что это даже было к лучшему, что текстов песен слышно не было. Он огляделся вокруг: люди с равнодушными лицами смотрели в направлении сцены. Некоторые приходили, качали головами и уходили.

Фёдоровичу стало не по себе. Он ожидал услышать другую музыку, увидеть другие лица. Он с жалостью подумал о здоровенном детине, который ещё несколько минут назад прыгал по сцене.

Старик вышел из толпы и полез в карман за телефоном – он прикинул, что Денис не должен был далеко уйти. Телефона в кармане не оказалось. Неужели украли? Он спешно покинул толпу, среди которой разгуливали нечистые на руку люди.

Фёдорович растерялся. У газона старик заметил такси.

– Сынок, довезёшь на Молодёжную? – обратился он к белокрысому парню с красным лицом.

Водитель докурил, пристально посмотрел на пассажира и произнёс:

– Тысяча двести.

От неожиданности у Фёдоровича зазвенело в ушах. Он сунул руку в карман и достал фиолетовую купюру.

– У меня только пятьсот, – пробормотал дед, трясая в воздухе ценной бумажкой.

– Дед, сегодня гулянье, никто тебя за такие деньги не повезёт.

Фёдорович покачал головой и сказал:

– Ну хоть подскажи, как дойти? Или это тоже платно?

Старик, как бывший водитель, знал город неплохо. Однако в качестве пешехода дал слабину. Тем более парк находился в новом микрорайоне, и Фёдорович растерялся.

Таксист долго пристально и с прищуром смотрел на старика, а затем сказал:

– За спрос денег не возьму. Иди, дед, три квартала прямо до парка, пройдёшь через него, повернёшь на светофоре. Там, после перекрёстка, начинается Молодёжная.

Фёдорович вздохнул, поблагодарил белобрысого парня и пошёл по указанному пути.

Он шёл долго, несколько раз сбивался с пути. Его разум мутнился, ему начинало казаться, что он попал в какой-то страшный сон. Несколько раз он останавливался, присаживался на скамейку и слушал, как громко стучало его сердце. Стемнело и похолодало очень быстро. Наконец он нашёл дом и зашёл во двор, но там понял, что ошибся. Его окружали многоэтажки, они подпирали Фёдоровича со всех сторон, нагло смотрели на него светящимися окнами и будто смеялись над никчёмным потерянным стариком семидесяти лет. Высокие деревья с голыми ветками, похожими на лапы чудищ, грозно нависли над ним. Фёдорович не выдержал – опустился на колени и зарыдал. Воспоминания последних дней пронеслись перед его глазами каруселью: мелькнул грустный взгляд Наташи, затем раздражённый вид Володи, микроволновка, японские мультфильмы, озлобленный Денис и ещё этот прыгающий музыкант. Фёдорович обхватил голову руками и захрипел. Потом, через некоторое время, он вспомнил, как заливисто смеялась Нюра, как свежо пахло по утрам в деревне, как забавно кричал индюк, и старик успокоился.

В тишине он вдруг услышал спасительные аккорды – играли на баяне. Старик пошёл на звук, как слепые котята ползут на зов матери. Он спотыкался, оступался, один раз даже упал, затем встал и дальше шёл на ощупь и вскоре зашёл в тенистый двор.

Баянист отошёл покурить, а женщины, которые до этого пели весело и громко, обсуждали свои бабьи дела. Когда к ним подошёл дед с обезумевшими глазами, они притихли.

Старик грузно плюхнулся на скамейку, поставил на колени инструмент и облегчённо выдохнул, будто баян был вроде стакана воды в пустыне.

Баянист молча наблюдал за происходящим в стороне.

В воздухе послышались первые неуверенные аккорды, потом они стали смелее и ярче. По воздуху, почти осязаемые, поплыли строки: «Утомлённое солнце нежно с морем прощалось...»

Влад. Чашка

Влад, как всегда, привёл Милу в её любимую кофейню, сразу заказал для девушки латте с ванильным сиропом и чизкейк с черничным конфитюром. Для себя он взял чай с облепихой, ягодами клюквы и мёдом. Напиток приятно согревал после прогулки по недружелюбному холодному ноябрьскому парку.

Он выбрал её любимый столик у окна на двоих, попросил у официантки Марины (бариста и официантов он успел выучить по именам) трикотажный плед и накинул на плечи Миланы. Она, как всегда, оделась не по погоде и поэтому промёрзла до дрожи. Накинув на её плечи плед, он сел напротив, как она любила. Милана грела о чашку с кофе свои длинные пальцы с бледными ноготками, похожими на половинки миндаля, и рассуждала вслух:

– Я правда не понимаю, как он мог забыть? Я же специально на прошлой неделе три раза намекнула ему, что двадцать пятого будет день нашего знакомства и что я хочу, чтобы этот день был запоминающимся и особенным! Ну почему мужики такие невнимательные?!

Влад, как всегда, когда она начинала тираду о мужчинах, подразумевая своего парня Севу, непринуждённо улыбнулся и сказал:

– Нам, мужикам, надо говорить в лоб. Мы по-другому не понимаем.

В доказательство своих слов он громко шлёпнул себя по лбу открытой ладонью.

Сам же он, в отличие от невнимательного Севы, знал о ней всё. Он помнил про то, как она самовольно ушла из детского сада и заблудилась, про то, что в школе у неё был разряд по шахматам, помнил, как она шла по асфальту босиком после выпускного вечера, и про то, что на факультет иностранных языков она поступила не потому, что хотела быть переводчицей, а потому, что это был чуть ли не единственный факультет, где на первом и втором курсах не было высшей математики, которой она боялась как огня. Она и по ЕГЭ смогла набрать проходной балл только потому, что он помогал ей по СМС.

Он знал всех её подруг. С тремя из них она пыталась свести его, но ничего не получалось. Владу они казались «постными тёлочками», как он говорил Милане. Он умел рассмешить её. Он чинил её уютги, микроволновки, компьютеры, помогал ей принимать роды у кошки Люськи и пристраивать потом котят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.